

... Лучше всего в Лотошино ехать автобусом. Вы будете смотреть в подвижное, как экран, окно, и в нём будет длиться бесконечный сериал подлинной, неподдельной и неразгаданной жизни. Потекут спокойные дорожные мысли. Чем дальше от центра Москвы, тем меньше станет рекламных щитов, и вы вдруг увидите небо, встающее солнце и облака. Мысли от этого станут значительнее и чище. Может быть, вспомнится детство, и вы вновь ощутите, как притягательно бесконечное пространство, в котором происходят таинственные события, течёт неведомая жизнь, полная не угаданного смысла. Вас потянет в эту жизнь, вы станете пристальнее вглядываться в лица попутчиков, пытаться угадать их судьбы и задумаетесь о своей. Городские деревья, на которых редко бывают цветы и плоды, сменяются вдруг лесом, и вы увидите, как стремительно и буйно тянется к ясному солнцу вольное дерево, обретая стройность и свободную мощь. Это подскажет вам житейскую метафору. Вы станете думать, что там, далеко от Москвы, живут, возможно, и иные люди, распрямлённые, крепкие духом, прочно стоящие на земле, потому что земля эта питает их живой водой, а не душит асфальтовым зноем. Скоро люди, едущие в автобусе, станут выходить, потому что стрелки с надписями на столбиках у обочины обозначат конец их сегодняшнего маршрута. Люди иногда выходят просто к лесной опушке, оттуда им надо ещё пройти по просёлку, чтобы оказаться дома. А стрелки на дорожных столбиках останутся здесь, как указатели чьей-то судьбы.

В окне замелькают перелески, рощи и деревеньки с тихими, неслыханно чудесными названиями, речные плёсы выглядают из дремлого леса. Начнётся вечная, непреходящая Россия. Сосед подскажет, что вот-вот появится Лотошино, и вам станет тревожно и любопытно. Вы никогда не знали ни мест этих, ни людей. И скоро ты всё это узнаешь, нечто новое войдёт и в твою судьбу, станет частью тебя самого.

... Наутро решил я пройти по улице Николая Тряпкина. Там он жил. Там сохранился дом, срубленный им самим. Удивительное дело. Я не могу вспомнить, чтобы был на Руси ещё один поэт, который бы так же свободно и легко владел заветным ремеслом плотника.

“Что написано пером, того не вырубишь топором”. Ясная зависимость подразумевается и тут меж двумя ремеслами. Главенствует тут, правда, перо.

Всё привычно на этой улице, кроме того, что ухарского размаха пряничные особнячки нездешних скоробогатеев наступают и тут на тёмные, будто из

литого серебра сосновые срубы и заплоты. Окнами в резных наличниках широко и равнодушно смотрят старые избы на весёлых нагловатых пришельцев. Что бы ни делалось, надо продолжать исполнять своё назначение: хранить уют, сберегать порядок и согревать теплом. С такими несуетными мыслями жить легко и умирать нетрудно.

Мне нужен номер восемьдесят третий. Вот он, тот старый дом, два дерева, завалинка, на которой можно сидеть и думать. И дышится, и думается тут непременно вольнее и шире, чем в стерильных стенах по-европейски оштука-туренного кабинета.

Об этом доме он сказал:

*Душа опять в наплыве детских дрём.
Кричит за лесом куличок-болотник...
Люблю тебя, мой старый сельский дом,
И всю траву у низкой подворотни.
Тебе хвалу воздать не лишний был бы труд
И справить юбилей от имени колхоза
За то, что тридцать лет стоишь бессменно тут
И выдержал со мной все горести и грозы.
Душа моя в наплыве тёплых дрём.
Горит сентябрь в нарядном перелеске.
Ура, мой друг. Ура, мой старый дом!
Ты, солнцу радуясь, откинул занавески.*

*Вон куры, как весной, купаются в пыли,
И только рожь покошена в просторах,
И там комбайны разбрелись, как журавли,
Вытягивая шеи транспортёров.*

*Ура, мой друг! Ура, мой старый дом!
Ты, солнцу радуясь, откинул занавески.
И я пою, в наплыве тёплых дрём,
О праздничном сентябрьском перелеске.*

Я, конечно, постучал в окно. Был день, рабочая пора, но в доме была приметна жизнь.

Вышел хмурый нынешний хозяин.

— Вот, — говорю, — хотел посмотреть, как жил поэт Николай Тряпкин...

— Не вы первый, — говорит хозяин угрюмо. — Надоело уже.

Всё-таки он разговорился потом. Сказал, что долго старается поудобнее приспособить дом под жизнь, ладит пристройки, переделывает внутри, да всё на полпути останавливается, нет денег.

— Надо бы в администрации поговорить, — догадался он вдруг, что я могу передать этот разговор, — может, дали бы равноценную замену. А то спохватятся потом. Тут и так одни только стены остались...

Он делается дружелюбнее. Я вхожу с ним в избу. Ничто, конечно, тут уже не скажет о бывшем хозяине. Несколько книг на полке, но и там Тряпкина нет. Унылые следы переделок, которым не предвидится конца, и от которых выветрился уже сам бывший тут когда-то жилой дух, помогавший петь "о праздничном сентябрьском перелеске".

...Ночью я перечитываю стихи Николая Тряпкина. Две его книжки я взял в музее, и мне их утром надо вернуть. Поселили меня в знаменитой здешней охотничьей гостинице, среди леса, рядом с прудом, в котором ходит большая рыба, отмечаясь медленными кругами на поверхности. Тишина тут такая, какой давно уже не слышал. Она как нельзя лучше подходит к негромкому слову Тряпкина. Тут я один, но, видно, тишина имеет такое же свойство, как тьма у костра — объединять души, и поэтому, кажется, прямо мне сказаны слова:

*Я не убрал весёлого оружия,
Что получил от плотника-отца,
Я знаю, что без песни "раз-два — дружно"
Ты посрамишь отцовское ружьё,*

*Не выстроишь ни хаты, ни дворца.
А я хочу, чтобы солнцем и весною
Играло в окнах каждое стекло
И чтобы песня, сложенная мною,
В ненастье опустилась над тобою,
Как избяное тёплое крыло...*

В эту ночь я ощутил счастье быть читателем. Радоваться недоступной тебе, не ошибающейся силе Божьего дара. Удивляться и обмирать душой на подступах к чужой поэтической удаче. Чувствовать, как давно знакомые слова, сложенные одно к одному сердечным тайным чутьём, изумляют новым небывалым смыслом:

*Сколько снегов промчалось!
Сколько дождей пролилось!
Сколько опять в коренья,
Сколько опять в зерно!
Грозы прошли над миром,
Древо отцов свалилось,
И на сыновьи плечи
Прямо упало оно...*

В ту ночь я думал о том, что особого рода произведением великой назидательной силы является и сама жизнь поэта Николая Тряпкина.

Он прожил жизнь без суеты, сэкономил душевную бодрость на поиски слова. А за ним далеко ходить не надо было. Конечно, всякий маломальский талант подспудно имеет обязательные виды на славу. Но слава – штука бабланная и капризная. На ласку её измором и настойчивостью не соблазнишь, не вынудишь. Но если уж она сама к тебе придёт туда, где ты, может, и не ждал её, то и будет верной. Слава у Николая Тряпкина именно такая. И как знак этого, улочка его имени будет стоять вечно.

А в администрацию я всё-таки обращаюсь. Ведь, в самом деле, прав сумрачный и затурканный жизнью нынешний хозяин ценнейшего литературного достояния Лотошинского края и целой России. Дом этот обязательно надо сохранить как явственный материальный знак, каким отмечена жизнь прекрасного русского поэта, и как произведение его плотницкого мастерства, которым он так же дорожил, как своим поэтическим даром.